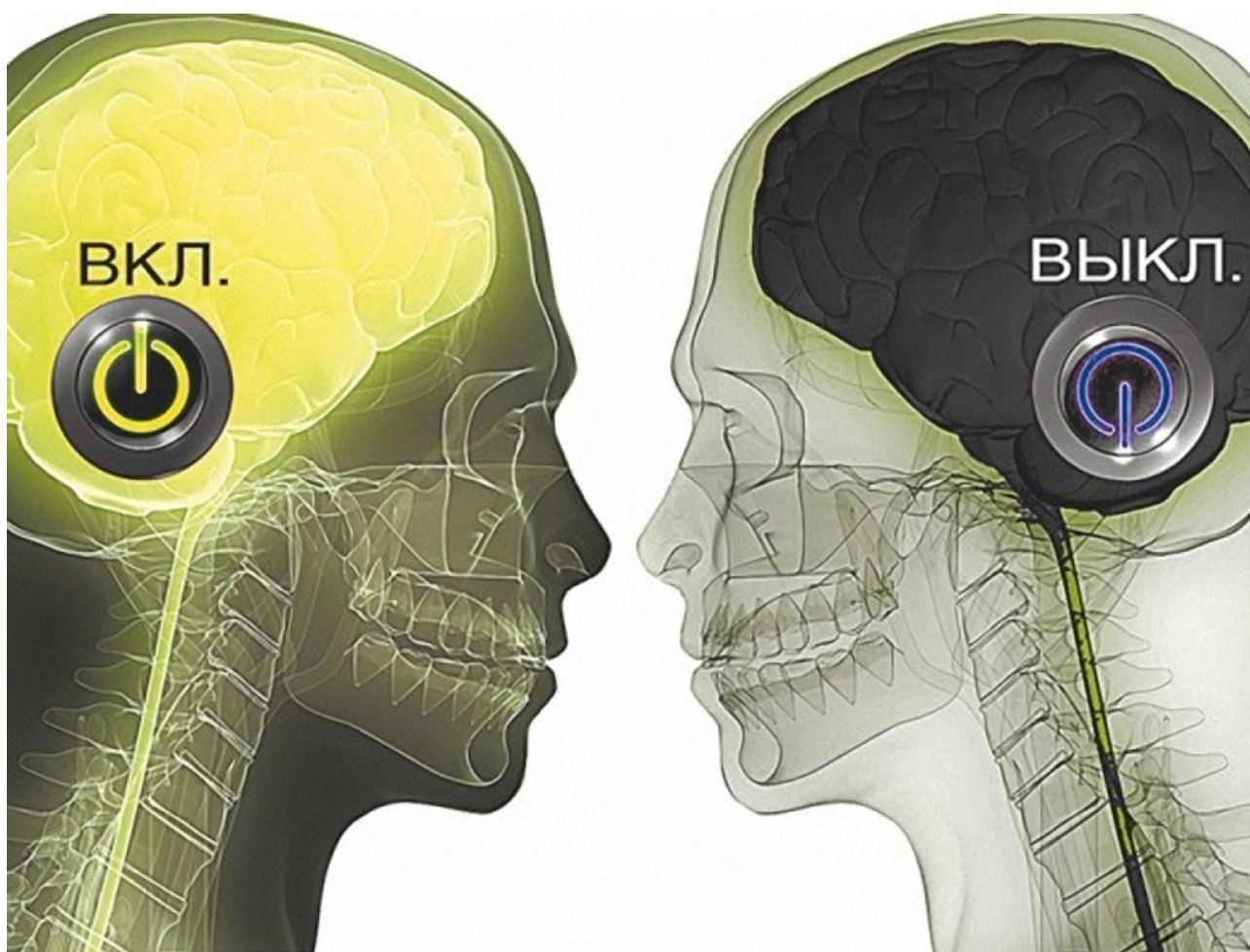

ЖИЗНЬ ДУШИ

самопознание без религии

Алексей Лубим

2020

МОСКВА | MOSCOW

Приложения

Критические замечания к книге «Руководство по чтению великих книг»¹

Читать критические замечания к книгам в форме «цитата / замечание» весьма полезно вне зависимости от того, читали или читаете ли Вы анализируемую книгу, – ужé хотя бы потому, что Вы таким образом имеете возможность познакомиться с некоторыми идеями автора наряду с *альтернативными* взглядами критика. В условиях почти повсеместного и непрекращающегося давления авторитетов всякая *альтернативная* информация будет мягко тренировать способность ума к критическому мышлению и независимому (осознанному, необусловленному) восприятию, в конце концов ведущему к освобождению сознания от самонаведённых иллюзий.

Проблема: Основание системы образования

Самая тяжёлая болезнь человеческого общества – это болезнь разума, проявляющаяся в следующих симптомах:

- ложная логика;
- иллюзорное мышление;
- склонность к слепой вере, по сути, во что угодно;
- неумение критически разбираться в смыслах;
- отсутствие механизмов самопроверки;
- нежелание докапываться до объективной Истины;
- приятие совершенно безумных утверждений, типа: «у каждого своя правда» – за норму жизни;
- восприятие разделения реальным;
- устройство общества на законах, противных подлинным Законам Мироздания;
- легкомысленное отношение к собственному непониманию фундаментальных вопросов и законов;
- полная слепота и глухота в отношении собственных заблуждений;
- неспособность к непредвзятому сравнительному анализу принятых догм;
- непробиваемая защита от любых изменений своего догматичного мировоззрения.

Такая болезнь разума – это не врождённая патология, а результат отсутствия в банке знаний человечества объективной Истины и построение общепринятой системы образования на ложных предпосылках. Очевидно, что-то в этой системе нужно менять... Что же способно изменить сложившееся положение дел, если Истина остаётся по-прежнему недоступной?

Судя по всему, во-первых, необходимо принять объективную Истину в качестве своей *действительной высшей нравственной ценности*, – иначе мы даже не сдвинемся с места в её направлении. Во-вторых, нам нужно освоение и развитие навыков самообразования, иначе до желанной Истины нам будет просто *нечем* добраться. Если же мы будем хотеть Истины больше всего в жизни и будем иметь все необходимые способности для её поиска, то ничто не сможет помешать нам найти её, исцелиться ею и сделать её основой для разумной жизни как всякой личности, так и всего человеческого общества.

¹ Речь идёт о книге: «Как читать книги. Руководство по чтению великих произведений», автор: Мортимер Адлер.

В этой главе приведены критические замечания к замечательной книге «Как читать книги. Руководство по чтению великих произведений», автор Мортимер Адлер, которую я настоятельно рекомендую Вам прочитать. Однако при чтении необходимо обратить особое внимание на некоторые спорные высказывания автора, а также на вытекающие из них следствия. Итак, начнём...

«Более слабый читатель обычно способен только на первый способ чтения: ради информации. Более сильный, несомненно, способен на большее. Он в состоянии *понять* новую информацию, а не только усвоить (запомнить) её».²

Есть и более высокий уровень чтения – он связан с определением *истинности* или ложности *смысла* текста, или пониманием, что именно описывает текст: истину или ложь (иллюзию). То есть, читать надо не только с целью понять автора и наладить с ним коммуникацию, но и *критически*, чтобы не принимать *ложь за истину* и наоборот.

«Тексты, которые можно понять без особых усилий, например, газеты или журналы, требуют от нас минимального уровня чтения. Искусство здесь не востребовано, поскольку подобные тексты можно читать относительно пассивно».

Это не так, поскольку СМИ – это мощнейшее средство манипуляции, управления, программирования ума, поэтому к продуктам СМИ нужно относиться с не меньшей осторожностью, чем к любым другим информационным продуктам.

«Вы можете неверно судить о результатах своего процесса чтения, полагая, что поняли книгу, и довольствоваться приобретённым без усилий, тогда как на самом деле от вас многое ускользнуло».

Разные тексты требуют разных усилий для достижения подлинного понимания, поэтому несмотря на приложенные немалые, на Ваш взгляд, усилия, тем не менее, эти усилия могут оказаться вовсе не достаточными. Другими словами, качество и количество требуемых для понимания усилий определяется не читателем, а текстом. И в особенности это касается переводов, тем более переводов древних текстов, оригинал которых написан на утраченных ныне языках.

«Одно из правил чтения, как вы уже видели, – это умение выделить и истолковать *ключевые слова* в книге. С ним связано ещё одно важное правило: способность находить *ключевые предложения* и понимать их смысл».

Точнее было бы, на мой взгляд, сказать: не «слова», а «смыслы», «понятия», поскольку слова – это лишь указатели. И точнее было бы, на мой взгляд, сказать: не «предложения», а «опорные логические утверждения», к которым также могут относиться: допущения, упрощения, обобщения, предположения и т.п., – сделанные автором при построении им картины, которую он хочет передать читателю.

«Чтение для развлечения нас не интересует».

Вообще говоря, нет никакого «чтения для развлечения», то есть всякий познавательный процесс чему-то учит. Даже лени, интеллектуальной деградации и т.п. человек обучается посредством некоего познавательного процесса, выбирая соответствующие методы, формы и содержание познаний.

«Должна существовать возможность *открытия – узнавания нового* в результате поиска, исследования или размышления, но без участия учителя в этом процессе».

Этот процесс иначе называется *самообучение* или *самообразование*, что в сути своей является составляющей частью *самопознания*, если понимать мироздание как Единое Целое, каково оно и есть в реальности.

«Думать необходимо как в процессе чтения и слушания, так и в процессе исследования».

Причём думать обязательно *критически!*

«Вероятно, и в самом деле чтение ради информации не требует такой умственной работы,

² Здесь и везде далее так оформлена цитата из рассматриваемой книги.

как исследование или открытие. Это менее активный способ чтения».

Это ошибка – полагать, что восприятие информации не требует исследования и умственной работы, поскольку *вообще всё* есть информация, образ самовыражения Единого Сознания, поэтому *абсолютно всё* требует осмысления и понимания с целью самопознания. Когнитивный диссонанс, обусловленный принятием идеи разделения в качестве реальности, создаёт в Сознании ложные интерпретации образов, от которых необходимо избавиться, освободиться, так что пассивное приятие этих образов способствует лишь неосознанному укреплению Сознания в иллюзии разделения, но не освобождению.

«По-моему, нет особой заслуги в том, чтобы тратить время на *самостоятельные поиски* того, что уже кто-то открыл».

В этом есть веский резон уже хотя бы потому, что *осмысление* образов прежними поколениями требует анализа и *переосмысления* новыми поколениями – как минимум для разрыва цепи догматической преемственности.

«Вы скажете, что разница между чтением книг и "чтением" природы невелика. Однако следует помнить, что проявления природы – это не символы, которые транслируют что-то от имени другого человека, и не слова, которые можно прочесть или услышать».

Тем не менее образы природы: воплощённые законы (программы) её устройства, функционирования, движения в развитии и т.д. – требуют осознанного *осмысления*, а не одного лишь открытия и понимания на уровне информации, в противном случае осмысление происходит неосознанно и приводит в односторонней безальтернативной интерпретации образов в рамках и терминах идеи разделения.

«Процесс понимания природы непосредственно отличается от понимания книги путём интерпретации. Критичность необходима только в последнем случае».

Это не так. Процесс понимания природы происходит вовсе *не непосредственно*, а так же путём *интерпретации* посредством имеющегося мировоззрения – эгоцентризма. Так что критичность необходима – в отношении *всех без исключения интерпретаций*, как в отношении самого мировоззрения, на котором они основываются.

«Если одушевлённый учитель может передать только те знания, которые получил из книг, вы способны получить их сами, непосредственно с помощью чтения. И усвоите вы их на том же уровне, если читаете не хуже».

Однако здесь есть одна серьёзная проблема – она заключается в выборе из огромного количества написанных книг тех, что действительно стоит читать, и в этом опыт достойного учителя может быть крайне полезен.

«Как правило, конспектирование – это не активное усвоение материала, а почти автоматическая запись сказанного».

Полагаю, это в решающей степени зависит от лектора и его способа преподавания: лекция одного не оставляет времени на осознание и анализ услышанного, а учащиеся едва успевают за ним конспектировать; лекция другого дарит конспекты и даже видеозапись в подарок, тем самым оставляя внимание учащихся свободным, и предлагает паузы на осмысление и возможность задавать вопросы, дискутировать и т.д.

«Одушевлённый учитель – это в первую очередь тот, кто учит, а не делает открытия».

Это возможно не для всех отраслей знания. Например, что касается философии, – учитель должен сам *прожить* эти знания, *стать* ими, прежде чем преподавать, иначе он сам не будет понимать, чему учит. Механическая передача знаний возможна лишь на уровне *информации*, но не *смысла*. Осмысление всегда требует личного познания (опыта).

«Таков обобщённый портрет среднестатистического учителя, который чаще всего не способен быть автором оригинального сообщения. Поэтому он повторяет или перенимает знания учителей, уже покинувших этот мир. В любом случае его студенты могут легко научиться всему, что он знает, читая те же книги».

Опять же – только на уровне информации, но не смысла. Роль учителя всё же больше не в передаче информации, а в обучении *осмыслению* (интерпретации) образов, и здесь книга

другого автора личных познаний учителя не заменит. Кроме того, одушевлённый учитель должен обучать также *навыку* коммуникации и прочим *навыкам*, чему у книги научиться будет проблематично.

«Главными книгами я считаю те, в которых содержатся оригинальные идеи».

Оригинальности мало, в главных книгах должна быть Истина!

«Лучшая оригинальность – та, которая добавляет что-то важное в фонд знаний, созданный *традицией* обучения. Незнание или отрицание *традиции* может привести к ложной или пустой оригинальности».

Может... Но также может привести к переосмыслению *традиций* и необходимому выходу из порочного круга *преемственности* ошибок прошлого ложного понимания.

«Великие книги создавались и создаются – вчера и сегодня. Неправда, что их трудно читать. Напротив, это самые читаемые книги»...

Увы, это, скорее всего, не так. Самыми читаемыми книгами чаще всего становятся самые массово рекламируемые, поддержанные пропагандой авторитетов при содействии господствующей в обществе идеологии, тогда как приоритетного внимания заслуживают совсем другие книги – несущие Истину, и потому, как правило, они отвергают все авторитеты, противоречат господствующей идеологии и массовому мировоззрению.

«Представьте, что на свете существует колледж или университет с таким факультетом, где... Этьен Жильсон анализирует историю философии, а Анри Пуанкаре и Пьер Дюэм – историю науки. Быть может, даже Леонардо да Винчи читает лекции об искусстве, а Зигмунд Фрейд – лекции о самом Леонардо. Томас Гоббс и Джон Локк рассказывают о Чарльзе Огдене и Айворе Ричардсе, Альфреде Коржибски и Стюарте Чейзе. Можно продолжать бесконечно, но пока этого достаточно. Разве кто-то захочет выбрать другой университет?»

Уважение автора к авторитетам объяснимо открытиями и достижениями, совершёнными этими людьми в прошлом, однако, прошлые открытия и достижения требуют переоценки и осмысления с позиции современного знания, чего совершенно точно был бы лишён университет с описанным преподавательским составом, если его преподаватели обучали бы своих студентов лишь знаниям прошлого. На мой взгляд, такой университет было бы увлекательно посещать факультативно, но полноценного современного образования в нём получить было бы невозможно.

«Учиться можно и нужно только у тех, кто превосходит нас интеллектуально».

Смотря чему мы хотим научиться. Если мы хотим научиться нравственности, то интеллектуального превосходства будет недостаточно.

«Если бы во время записи радиопередачи Town Meeting меня спросили: "Что вы считаете более важным для студента: чтение, письмо и арифметику или нравственные качества?", я бы ответил так: "Трудно выбрать между интеллектуальными и нравственными качествами, но если бы пришлось выбирать, я отдал бы свой голос нравственности, поскольку умом без нравственности можно злоупотребить, как и в том случае, когда человек получил знания и навыки, но не понимает своих целей."»

Трудность выбора в данном случае обусловлена прямой зависимостью уровня нравственности от интеллекта – в том смысле, что без достаточно развитого интеллекта человек не сможет *уразуметь* фундаментальные законы, движущие личность и общество к нравственности, и осознанно *усвоить* подлинные ценности. Иначе говоря, интеллектуально не зрелый человек будет неизбежно подвержен внушениям и манипуляциям, вовлекающим его обманом в предательство нравственных устоев. Однако это не означает, что человек с развитым интеллектом непременно станет нравственным.

«Чем хуже мы пользуемся словами, тем охотнее обвиняем в заумности окружающих. Мы даже можем сделать свои кошмары фетишем и посвятить себя семантике целиком и полностью. Бедные специалисты по семантике!»

Очевидно, что автор в данном случае обрушивается с критикой на псевдо-учёных, а не на подлинных открывателей серьёзных проблем, связанных как раз с семантически

правильным пониманием, поскольку ранее сам автор приводил в ряду достойнейших имён Альфреда Коржибски – автора книги: «Общая Семантика. Наука и Здравомыслие», которую, безусловно, можно отнести к числу великих книг.

«Только учёный-гуманитарий способен понять, как мало слов и мыслей в современном мире содержат хоть что-то новое».

Это свидетельствует о том, что преемственность означает главным образом сохранение и передачу из поколения в поколение структуры (формы) мышления и отсутствие *фундаментальной переоценки ценностей*. Конечно, некий рост нравственности мы, безусловно, наблюдаем, однако мы по-прежнему далеки от реализации подлинно разумного устройства общества, взаимоотношений в нём и осмысленной жизни. Наши действующие законы всё так же безумны.

«Хорошо известен период в конце Средних веков, когда люди умели понимать текст лучше, чем самые сильные современные читатели... Какими бы ни были эти люди, но именно они подняли искусство чтения на высочайший для их времени уровень».

Ключевые слова здесь всё же: «*для их времени*» – поэтому не следует руководствоваться их уровнем понимания для современного человека. Если мы хотим развития и становления подлинно разумными, нам необходимо глубоко переосмыслить все прежние представления, в особенности касающиеся общепринятых догматов Библии, Корана и всех прочих писаний, почитаемых священными и оказывающих в этой связи тормозящее действие на разум. Под переосмыслением я имею в виду не отрицание, а новое понимание, максимально согласующееся с реальностью.

«Нам давно пора преодолеть глупые предрассудки по поводу Средних веков и обратиться к толкованиям текстов Евангелий, рассуждениям о трудах Юстиниана и комментариям к работам Аристотеля как к совершенным образцам чтения».

Этого нельзя допустить ни в коем случае!!! Их аналитика и интерпретации жёстко ограничены представлениями своего времени и требуют с позиции современного знания такой же критики, переоценки и переосмысления, как и сам предмет их исследования.

«Посчитав количество читающих ради понимания, можно смело закрывать библиотеки и останавливать печатные станки».

Ещё раз хочу обратить внимание читателя, что есть и более высокий уровень чтения – он связан с определением *истинности* или ложности *смысла* текста, или пониманием, что именно описывает текст: истину или ложь (иллюзию). То есть, читать надо не только с целью понять автора и наладить с ним коммуникацию, но и *критически*, чтобы не принимать *ложь за истину* и наоборот. Таких читателей, разумеется, ещё меньше, но именно таким и нужно быть.

«Если мы не хотим иметь лидеров, бахвалящихся своим эмоциональным мышлением, необходимо возвращать в людях уважение к тем, кто способен мыслить разумом, освобождённым дисциплиной».

Разум человека, как известно, освобождается *разумением* конкретной Истины, которая есть Закон (Единого Разума), а не какой-то безликой «дисциплиной».

«Самыми яростными противниками этой программы³ являются профессиональные деятели образования».

Оболванение граждан происходит намеренно – это целенаправленная и продуманная государственная политика, а не случайное упущение малограмотных чиновников.

«Позвольте мне теперь кратко изложить все условия продуктивного самосовершенствования. Искусством или навыком всегда обладают те, кто сформировал привычку (*умение*) следовать правилам».

«Привычка» – пожалуй, не лучший перевод или не лучшее подходящее по смыслу слово для выражения требуемого смысла. Здесь, на мой взгляд, больше подходит слово

³ Речь здесь идёт о программе наиболее полноценного, с точки зрения автора, образования, предполагающего вовлечение учащихся в чтение и изучение великих книг.

«умение», поэтому оно добавлено мной в скобках.

«Самый явный признак того, что вы читаете правильно и эффективно, – это усталость. Настоящее чтение требует интенсивной работы ума».

Однако необходимо отметить, что мозг также утомляет *непонимание*, поэтому усталость не всегда будет признаком правильного и эффективного чтения, а лишь в том случае, когда Вы понимаете смысл написанного автором текста.

«Из-за собственных подчёркиваний и заметок вы, вероятно, неохотно будете одалживать свои книги окружающим. Эти «заметки на полях» станут частью вашей интеллектуальной автобиографии, и, скорее всего, вам не захочется делиться ими ни с кем, кроме близких друзей. Но у меня, например, редко возникает желание так много рассказывать о себе даже друзьям. Тем не менее делать заметки при чтении очень важно, и вас не должны отпугивать возможные социальные последствия».

Более того, если целью чтения ставится, в том числе, поиск Истины или выяснение истинности либо ложности мыслей автора, то это означает, что и Ваши суждения также необходимо подвергать критическому анализу. Поэтому показывать свои мысли (заметки) другим людям и обсуждать их крайне важно, чтобы как минимум не тешить себя иллюзиями, получать альтернативные аргументы и обогащаться разными точками зрения.

«Если по той или иной причине вы относитесь с предубеждением к заметкам в книге, используйте блокнот».

Сейчас такие записи удобно делать в электронном виде и можно обсуждать их в тематических группах социальных сетей.

«Попробую схематизировать процесс создания заметок... Подобная схема позволила бы мне изначально составить чёткое представление о важных различиях, вводимых автором».

Если автор сам подходил к написанию своей книги, имея или составляя в процессе работы целостную концепцию, то эта концепция, как правило, отражается в оглавлении книги. Кроме того, вдумчивый и заботливый писатель обязательно даст своему читателю – во введении или предисловии – все необходимые пояснения и/или инструкции, способные помочь пониманию.

«Мне кажется, всегда следует исходить из того, что автор доступен для понимания, если не доказано обратное. И уж совсем последнее дело – голословно винить его в написании бессмыслицы, требуя, чтобы он доказывал свою невиновность. Единственный способ определить "степень вины" автора заключается в том, чтобы приложить все усилия к его пониманию. Пока это не сделано, у вас нет права выносить окончательный приговор. Если бы вы сами создавали книги, то поняли бы, почему именно таким должно быть золотое правило общения с любым автором».

Эта задача особенно (почти непреодолимо!) сложна в случае *фундаментального* различия *мировоззрения* читателя и писателя – тогда читателю, по сути, *нечем* понять автора *правильно*, и он незаметно для самого себя сваливается на неправомерные (искажённые порой до противоположности!) *интерпретации* авторских образов. Это превращается в сущую катастрофу, когда в роли такого читателя оказывается переводчик – таким образом он наглухо закрывает двери понимания всем читателям перевода, становясь причиной формирования у читателей ложной картины произведения. Такова на 100% ситуация с Библией и, я уверен, со многими другими древними учениями и текстами. В меньшей степени это касается современных текстов (в том числе, художественных фильмов), но всё же искажения, вносимые переводчиками в сложные (не совсем понятные для них) тексты, зачастую радикально меняют смысл, ненамеренно вводя аудиторию в заблуждение. Однако отсутствие злого умысла переводчиков ни в коем случае не может служить оправданием для неведения и продолжения существования и почитания (слепо верующими) искажённых текстов.

«Вы уже знакомы с тремя правилами второго способа чтения: 1) обнаруживать и интерпретировать самые важные слова в книге; 2) делать то же самое с наиболее важными *предложениями*»...

Английское «statement», кроме «предложение», имеет и другие значения: заявление, утверждение, формулировка, а также (в области юридического дела) показания, дача показаний. Итак, данное правило заключается в обнаружении самых важных утверждений (аксиом) книги, на которых выстраивается вся структура логики книги, и в определении (интерпретации) логического характера этих утверждений, как например: допущение, упрощение, предположение, обобщение. Какие-то из них автор может делать вполне обоснованно, а какие-то – бездоказательно и неправомерно.

«Понимание позиции автора всегда предшествует критике или оценке его текста».

Разумеется, это так, однако понять позицию автора можно, увидев выдвинутые автором аксиомы, то есть опорные логические утверждения (допущения, упрощения, предположения, обобщения). Тогда уже можно понять основы мировоззрения автора и принципы построения его рассуждений – претендуют ли они на истинность, или выражают потерянность самого автора, или представляют собой его поиск, или характеризуют его как догматика и т.д. Конечно, это не повод для поспешного навешивания на автора и его текст ярлыков – ещё нужно рассмотреть аргументацию автора по каждому тезису, но характер произведения уже может стать ясен.

«Расширенное чтение – это изучение книги в контексте других книг, связанных с ней общим смыслом».

В действительности абсолютно все книги всегда читаются нами *в контексте* – в контексте имеющихся у нас знаний, представлений, верований и предрассудков в том числе, то есть *в контексте нашего мировоззрения*, которым мы всё воспринимаем, понимаем, оцениваем и т.д. Это необходимо очень хорошо осознавать, если мы сами не хотим стать догматиками, закреплёнными в рамках своего мировоззрения, но настроены расширять свой кругозор и понимание путём рассмотрения разных концепций и точек зрения.

«Невозможно погрузиться в мир книги, не учитывая весь свой предыдущий опыт».

И это может стать непреодолимым препятствием к пониманию книги в случае догматически организованного ума. Поэтому при чтении книг необходимо относиться критически и к мыслям автора, и к собственному мышлению – как минимум в равной степени, а если возможно, к собственному мышлению – даже в большей степени. Таким образом, основания собственной логики должны постоянно проходить проверку и подвергаться испытанию всякой новой мыслью и аргументацией. Если же собственное мировоззрение основано на вере, то это и есть ситуация догматически организованного ума.

«Учёный или любой специалист в области гуманитарных наук стремится учить других, излагая истину».

К сожалению, это не так. Зачастую учёный или любой специалист в области гуманитарных наук излагает вовсе не истину, а *теории*, претендующие на истину, однако, истиной не являющиеся. Одним из показательных признаков изложения истины может послужить исследование автором собственных опорных логических утверждений (аксиом, допущений, упрощений, предположений, обобщений) и сравнительный анализ с оппонентами. Также важнейшим критерием истинности является наличие целостной непротиворечивой картины мироздания и объяснение места в ней излагаемой автором теории.

«Структуры рассказа и научного исследования сильно отличаются друг от друга, языковые элементы по-разному воздействуют на воображение и передают идеи, а оценочные критерии не совпадают. В одном случае анализу подвергается красота, в другом – истина».

Это не так. В обоих случаях анализу должен подвергаться *образ* или *система образов* и вкладываемый автором в эти образы *смысл*. Образы, конечно, отличаются: художественные они, или научные, или философские, или религиозные. Но их смысл всегда приводит к какому-то познанию – истины (реальности) или лжи (иллюзии) – и погружает познающее сознание в соответствующие чувства, способствуя пробуждению разума либо его

углублению в самообман.

«То, что мы называем «лёгким чтением», требует от нас такого же среднеразвитого навыка, как и сугубо информативные книги. Здесь не нужно почти никаких усилий для понимания».

Однако чрезмерное увлечение такими книгами, фильмами, музыкой и прочим подобным контентом вскоре заметно (для рефлексующего индивидуума) или незаметно (для неосознанного человека) усыпляет сознание и отупляет ум.

«Я не хочу сказать, что философ – это только мыслитель, а учёный – только исследователь. Оба должны и наблюдать, и мыслить, но они мыслят о разных способах наблюдения».

Разница между философом и учёным заключается в том, что учёный ищет и формулирует закон, а философ даёт этому закону осмысление. В этой связи могут возникать ошибки как со стороны учёного, так и со стороны философа: видение учёного может оказаться ограниченным, как и интерпретация философа. Поэтому поиск истины нацелен на научную и философскую Теорию Всего, объясняющую целостную непротиворечивую картину мироздания – только такая всеобъемлющая теория способна максимально свободно от ошибок описать реальность.

«Таким образом, автор этой книги – то есть я – рассматривает серьёзные последствия пренебрежительного отношения к чтению для системы современного образования и предлагает следующее решение: заменить книги одушевлёнными учителями, если студенты могут самостоятельно научиться читать».

Возможно, здесь неправильный перевод... Не очень понятно, зачем заменять книги одушевлёнными учителями, если студенты *могут* самостоятельно научиться читать. Логически здесь подходит иной посыл: если студенты *могут* самостоятельно научиться читать, то одушевлённых учителей можно заменить книгами. По логике одушевлённые учителя нужны только в том случае, если студенты самостоятельно научиться читать *не могут*.

«Если бы автор был идеальным писателем, а вы – идеальным читателем, ваши планы обязательно бы совпали. Но *один из вас* – так уж заведено – непременно далёк от совершенства, а значит, расхождения неизбежны».

Скорее, оба!

«Писатель может и не озвучить свои вопросы. Он также вправе умолчать об ответах, которые являются результатом его труда».

Творец, конечно, вправе творить, как ему вздумается. Однако подлинные ценности несёт лишь то творчество, которое ориентировано на самовыражение *и вместе с тем* на коммуникацию, *а также* на совместный поиск или передачу Истины. Именно таковым должно быть творчество, чтобы оно продвигало человечество по пути разума к пробуждению сознания от ложного самовосприятия, а не погружало его в бездну неведения и иллюзии. Для такого творчества необходима предельная ясность, по максимуму исключающая недопонимание и ложные интерпретации, поэтому автор наряду с языком образов обязан так или иначе сформулировать свои мысли в явном виде. Это будет демонстрацией уважения к читателю и искренней нацеленности автора на подлинное единение с аудиторией.

«Можно надеяться, что хороший писатель сделает всё возможное, чтобы достучаться до нас через все языковые барьеры и препоны, но нельзя рассчитывать, что он реализует это полностью».

Необходимо осознавать, что Истина достаточно сложна для понимания умом, мировоззрение которого основано не на Истине, – именно по причине использования *принципиально* других значений слов, только кажущихся знакомыми.

«При чтении великих книг прошлого задача выделения слов может усложниться, ведь автор использовал их в контексте своего времени, понятном его современникам, но не нам. Если книга переведена с иностранного языка, это дополнительно усложняет задачу».

Зависимость значения слова от контекста проявляется не только во времени, но и в обществе, то есть в общественном мировоззрении. Это значит, что в обществах с отличающимся мировоззрением в одно и то же время одни и те же слова могут иметь абсолютно разные значения. А в случае передачи Истины разница в мировоззрении может иметь место даже между *личностью* (носителем Истины, учителем) и *обществом*. Непонимание этого факта в решающей степени стало причиной искажения толкователями и переводчиками всех времён исходного смысла Священных Писаний.

«Если важные для автора слова не вызывают у вас трудностей, скорее всего, вы их поняли совершенно правильно».

Если автор стремится быть понятным и достичь единомыслия с читательской аудиторией, то он непременно сам выделит все ключевые слова и даст свои подробные объяснения выбранной терминологии. Оставлять интерпретацию полностью на воспринимающую сторону крайне чревато неверным пониманием. Поэтому каждую богатую смыслом книгу необходимо дополнять своим словарём терминов, либо излагать определения терминов по ходу повествования – и это, безусловно, ответственность автора. Если такой словарь составлен, но читатели и переводчики, тем не менее, не пользуются им как должно, то даже гениальные творения могут стать источником авторитетной лжи и причиной ужасных мировоззренческих катастроф, как это и произошло со Священными Писаниями.

«Философы предпочитают издавать собственные словари. И любят наделять обычные слова новыми функциями».

В этой связи религиозным людям хорошо бы понимать, что Моисей и пророки, как и Христос, и Будда и т.д. – тоже были своего рода философами.

«Нередко философы создают новые слова или берут слова из обыденной речи, превращая их в термины. Последний способ может сильно запутать читателя, который уверен, что знает значение такого слова, и поэтому воспринимает его как обыденное».

Не только читателя, но и переводчика! И даже учёного!

«Признаком ключевого слова является то, что автор из-за его смысла и толкования вступает в настоящую полемику с другими философами».

Вспомните полемику пророков Израиля с народом-отступником и с идеологией его лидеров и священства вокруг слова «Ваал» и «непроизносимого» имени Божьего – речь шла вовсе не о словах, а как раз о смысле этих терминов!

«Проблема большинства читателей в том, что они просто не обращают должного внимания на слова, а потому не понимают причины своих затруднений».

К сожалению, это не просто «затруднения», о которых читатели знают, – настоящая *проблема* состоит в том, что это *фундаментальные заблуждения*, которые для самих заблуждающихся представляются очевидной истиной.

«Перед нами сидели будущие юристы, которые не знали смысла ключевых слов Декларации независимости и преамбулы к Конституции».

Так и хочется перефразировать этот пример: «Перед нами сидели люди, *считающие себя христианами*, которые, однако, *не знали* подлинного смысла ключевых терминов Евангелия и Закона Божьего». Здесь уместно вспомнить и слова Христа: «*Если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невиновных*!» (Евангелие от Матфея 12:7, Библия, Новый Завет). Но: «*вы не знаете* ни Меня, ни Отца Моего; *если бы вы знали* Меня, то знали бы и Отца Моего» (Евангелие от Иоанна 8:19, Библия, Новый Завет).

«Существует два основных варианта. Автор использует эти слова всегда в одном и том же значении или – наоборот – в нескольких, и тогда смысл меняется в зависимости от контекста».

Анализ серьёзно усложняется, когда мы имеем дело с переводом, поскольку одно и то же слово исходного текста может быть переведено в разных местах разными словами. Тогда, во-первых, потребуются допустить, что переводчик мог ошибаться, а во-вторых, потребуются обращаться к тексту на исходном языке и искать *правильные значения* слов в контексте *того*

времени и того мировоззрения автора.

«Следует определять значение непонятого слова с помощью всех остальных слов в контексте, который не вызывает у вас сомнений. Способ именно таков, каким бы запутанным он ни казался».

Совет просто ужасен, поскольку читатель (и переводчик) попадает в порочный круг: с одной стороны, он незнаком с контекстом, а с другой, он вынужден, основываясь на своих *догадках*, представить себе контекст, чтобы определить значения слов в нём. При таком подходе читатель (и переводчик) почти наверняка интерпретирует все значения слов незнакомого учения в рамках собственного мировоззрения, не видя других вариантов. По факту это так даже для современных фильмов, где контекст, казалось бы, очевиден! Чего уж говорить о древних писаниях... В данном случае прочитать и перевести (интерпретировать, понять) сложный текст правильно сможет только тот, кто априори имеет одно с автором мировоззрение, а также достоверное знание исходного языка и условий написания текста. Все прочие варианты могут претендовать лишь на какую-то степень достоверности передачи исходного повествования и смысла, но они вполне могут оказаться частично или даже полностью ошибочными – в том числе в изложении сюжета.

«Обладая в начале чтения пониманием определённых частей текста, вы можете использовать арсенал имеющихся у вас средств для интерпретации более сложных слов. Когда вы достигнете успеха, ваш уровень понимания повысится и вплотную приблизится к авторскому. Здесь не существует готового метода. Процесс напоминает складывание пазла методом проб и ошибок».

Но пазл нужно складывать *только* из определений, *данных самим автором*, а не из интерпретаций собственного ума, обусловленных сложившимся у читателя мировоззрением. Всегда нужно идти *от автора* и *за автором!*

«Получив нужный опыт работы по поиску общего языка, вы вскоре сможете проверять себя сами. Вам будет абсолютно ясно, где вы ошиблись, а где нет. Вы не будете тешить себя иллюзиями там, где это не соответствует действительности».

Очень идеалистичное представление о положении дел. Возможно, это справедливо, но лишь для случаев сходности мировоззрения автора и читателя, однако в случае различия их мировоззрений, как правило, в сознании читателей процветает самообман.

«Одно слово не может быть связано с несколькими терминами».

Аналог из Библии: «Один источник *не может* изливать солёную и сладкую (пресную) воду» (Послание Иакова 3:12, Новый Завет).

«Один термин может быть связан с несколькими словами».

Аналог из Библии: «У нас *один* Бог Отец, *из Которого все*» (1-е Послание Коринфянам 8:6, Новый Завет).

«Мы переходим от терминов к утверждениям, а затем – к аргументам, продвигаясь от слов (и словосочетаний) к предложениям, а от предложений – к абзацам».

Прделайте эту работу честно и добросовестно с любым *переводом* Священного Писания, и Вы найдёте его как минимум противоречивым. Для некоторых *утверждений* Вы обнаружите серьёзный недостаток, а то и полное отсутствие, *аргументации*, а некоторые *посылки* однозначно окажутся *ложными*.

«Поскольку язык не является идеальным средством выражения мысли, одно слово может иметь много значений, а два или более слов – одно конкретное значение»...

На мой взгляд, это не очень удачная формулировка переводчика, возможно, лучше и понятнее так: «одно слово может иметь несколько разных значений, а несколько разных слов (синонимы) могут описывать схожие значения».

«Для вас как для читателя важными предложениями становятся те, которые требуют усилий при их понимании, поскольку на первый взгляд они не совсем ясны. Вы понимаете их ровно настолько, чтобы осознавать потребность в дальнейших интеллектуальных усилиях. Это не обязательно предложения, которые наиболее важны

для автора, но они с большой вероятностью могут быть таковыми. Дело в том, что максимальные затруднения чаще всего вызывают именно ключевые утверждения автора».

С этим сложно согласиться. Например, в Библии содержатся тысячи утверждений, из которых трудно выделить наиболее важные, а *затруднение* могут вызывать утверждения, требующие нетривиального *вывода* или *обоснования*, но они уже *поэтому* и не являются ключевыми. Итак, после ключевых терминов, которыми автор описывает смысл своего послания, нужно выделить в качестве ключевых те утверждения, которые логически служат *основой* для всех дальнейших авторских построений и рассуждений. То есть, нужно найти достаточно *простые* утверждения, роль которых аналогична *аксиомам* в математической теории. Это могут быть предположения, допущения, обобщения, упрощения и прочие логические конструкции, в сущности являющиеся предлагаемыми без доказательств *гипотезами* или даже *домыслами* автора, преподносимыми им, однако, как непреложная или само собой разумеющаяся истина. Такие утверждения обнаруживают *фундамент мировоззрения* автора, и именно они требуют анализа на истинность в первую очередь. Если же в дальнейшем Вы встретите в повествовании *нечто* противоречащее этим фундаментальным авторским утверждениям, то это «*нечто*» с большой степенью вероятности будет *ошибкой* переводчика, или ошибкой переписчика (редактора, корректора, издателя), или ошибкой самого автора. В этой связи быть активным читателем значит всегда сохранять при чтении внимание к логике (по форме и по содержанию) и здоровое критическое мышление!

«Тест, который я предложил, применим и к процессу перевода с иностранного языка на ваш родной. Если вы не можете передать на родном языке смысл французского предложения, значит, вы не поняли его значения. Такой перевод осуществляется исключительно на вербальном уровне. В этом случае, даже составив грамотное предложение на родном языке, вы не будете знать, что пытался сообщить автор французской фразы».

По-видимому, здесь имеется в виду дословный, грамматически корректный перевод.

«Я прочёл массу переводов, которые свидетельствуют как раз о таком неведении».

Читая переводы Библии и то, что принято считать первоисточниками Священного Писания, знающий Истину будет сталкиваться с таким неведением переводчиков почти в каждой фразе!

«Далее следует научиться различать два типа аргументов, первые из которых указывают на один или несколько фактов как на основания для обобщения, а вторые содержат ряд общих утверждений, позволяющих сделать дальнейшее обобщение. Такие общие утверждения чаще всего называют *очевидными*, или *аксиомами*. Степень истинности подобных утверждений становится известна нам, как только мы начинаем понимать терминологию. При этом мы прежде всего опираемся на свой личный опыт».

К сожалению, как показывает практика, опора на личный опыт малополезна, поскольку собственное мировоззрение почти никогда никем не подвергается сомнению и исследованию. Поэтому никакие общие утверждения, или *аксиомы*, которые на первый взгляд кажутся очевидными, нельзя принимать без исследования их истинности или ложности. В общем случае ни в какой книге, включая так называемые «священные писания», нет абсолютно ничего, что не следовало бы подвергать сомнению и самому дотошному анализу.

«Теперь мы умеем:

- найти общий язык с автором, интерпретируя его ключевые слова;
- распознать главные утверждения автора, выделив среди них наиболее важные;
- обнаружить аргументы автора или построить их из совокупностей предложений;
- определить, какие проблемы автор решил, а какие нет; в последнем случае выяснить, известно ли автору о нерешённой проблеме».

Алгоритм в целом хорош, однако попробуйте применить его к Библии, и Вы вряд ли получите результат, отличный от абсолютного большинства Ваших предшественников. А

результат этот – неудовлетворительный, и даже более того, плачевный! При этом, пожалуй, было бы глупо не признавать Библию *великой* книгой, – пусть она не относится к числу научных, философских или художественных, – она религиозна, однако это не умаляет её величия и значения. И, учитывая её колоссальное влияние на умы огромного числа людей по всему миру, из которых, я уверен, далеко не все осознают, что в действительности находятся под её влиянием, – было бы вдвойне глупо не разбираться в *смысле* этой «книги книг». И методика, предложенная Моргимером Адлером, потерпит здесь поражение – подлинный смысл Библии с её помощью открыть не удастся по причинам, изложенным в моих предшествующих комментариях. Так что алгоритм автора в целом хорош, однако область его успешного применения явно ограничена, по крайней мере, двумя факторами: 1) мировоззрение автора не должно *принципиально* отличаться от мировоззрения читателя (в том числе, переводчика); и 2) исследуемая литература должна быть написана на достаточно известных языках.

«Принципы дисциплинированной открытости знаниям».

Сказано просто замечательно!

«Студенты, которые явно не понимают мыслей автора, без колебаний берутся судить о них. Они увлечённо спорят с тем, чего не поняли, и – что не менее грустно – часто соглашаются с мнением, которое не могут внятно изложить своими словами».

Тем более – разумно обосновать.

«Читая великую книгу, вы просто обязаны проявить сомнение перед произнесением фразы "я понял"».

Часто, как и в случае поспешного согласия с чьим-то мнением, такое «понимание» на деле означает всего лишь следование *авторитету*, то есть это не подлинное личное понимание, сформированное в результате добросовестного самостоятельного исследования, а только *повторение* чужого опыта – наведённое, обусловленное *верой в правоту* принятого авторитета.

«То же самое касается и других писателей: Платона и Канта, Адама Смита и Карла Маркса. Объём и формат одной книги оказывались слишком узкими для мыслей и знаний авторов такого масштаба. Однако находились люди, которые оценивали "Критику чистого разума" Канта, не прочитав его "Критику практического разума". "Богатство народов" Адама Смита они анализировали без его "Теории нравственных чувств", а "Манифесту коммунистической партии" Карла Маркса выносили приговор без чтения его "Капитала". Таким образом, эти читатели соглашались или спорили с тем, что не вполне поняли».

Ещё раз: выделив ключевые термины и определив высказывания автора, полагающие *основу* для логики всех его последующих рассуждений, – *можно* проводить анализ на истинность или ложность авторских гипотез и аргументов. Для этого вовсе не обязательно читать другие книги автора, если только они не представляют собой первооснову для книги, которую Вы рассматриваете. Однако в таком случае автор сам обязан указать, что *основание* его логики Вы должны искать не в этой, а в какой-то другой его книге. Пример: дилогии или трилогии и т.п. – такие книги следует читать в определённой последовательности, и аккуратный автор (а также издатель) это всегда указывают.

«Необходимо рассматривать несовпадение мнений как решаемую проблему».

Более глубокая проблема – это несовпадение *мировоззрений*, но это тоже решаемая проблема.

«Безусловно, *человеческая природа* очень сложна. Люди – это разумные животные».

Ну, нет же! Люди в своей *сущности*, как, впрочем, и любая другая форма, – это воплощения Единого Сознания, а не животные. Животные – это просто формы, но не сущность. Это наглядный пример, как рассуждения *даже учёного*, не основывающиеся на целостной непротиворечивой картине мироздания, изобилуют пробелами понимания, которые бессознательно заполняются противоречивой информацией, взятой из разных авторитетных источников.

«Люди пристрастны и склонны к предубеждению. Язык, который они используют для общения, – это несовершенный инструмент. Он замутнён эмоциями, окрашен пристрастностью и недостаточно прозрачен для выражения мыслей. Но всё же благодаря разуму все эти препятствия можно преодолеть. Кажущееся несогласие, связанное с банальным недоразумением, легко устранить».

Однако намного сложнее преодолеть несогласие, обусловленное разницей *мировоззрения* и как следствие: логики и системы интерпретации образов (форм мышления). Здесь непонимание вызывается не банальным недоразумением, а *фундаментальным* различием восприятия, определяемого совокупностью принятых законов. Поменять внутренний закон весьма непросто – это почти как перестать быть человеком и стать кем-то или кем-то другим! Но и это далеко не единственная *небанальная* преграда. Ещё одно затруднение встроено в сущность эгоцентризма как мировоззрения: Эго здесь играет роль основы, точки отсчёта в системе координат личностного восприятия, понимания, суждения, оценки и т.д., поэтому другая Личность – это другая система координат, в которой всё по-другому, всё имеет другие значения, порождает другие чувства (квалиа) и т.д. Таким образом, Эго в принципе отвергает саму возможность существования объективной истины, а вместе с тем и возможность достичь единомыслия. Постановка и решение вопроса человеческого взаимопонимания на самом деле куда сложнее, чем его описывает Мортимер Адлер.

«Спор не будет пустым и ожесточённым, если собеседники будут *верить* в возможность обретения истины, которая достигается с помощью разума и соответствующего опыта, позволяя преодолеть все разногласия».

Почти по-детски наивное утверждение. Вера здесь никак не поможет, здесь нужны конкретные навыки и рабочие инструменты, а также система ценностей, в которой Истина (а не Эго) – на первом месте.

«Моя главная ошибка состояла в следующем. Я считал, что по каждому вопросу собеседники могут иметь две одинаково верные позиции».

Конечно, могут, и далеко не две! Причина многозначности видения может заключаться во взглядах многих людей с разных точек зрения *на одно и то же* при условии ограниченности видения каждого человека в отдельности. Открытие Истины в таком случае может стать результатом объединения всех взглядов в одну картину мозаичного восприятия. Однако для собеседников с ограниченным видением такая задача даже не приходит на ум, а если и придёт, то решить её можно лишь в системе координат иного, чем эгоцентризм, мировоззрения.

«Вы должны чётко сформулировать свои предпосылки. Необходимо знать, каковы ваши *предубеждения* – то есть *пред-убеждения*. Иначе вы вряд ли признаете за своим оппонентом аналогичное право. Полемика не должна превращаться в перебранку о предпосылках».

Так называемые «предпосылки», или аксиомы, или *основания логики*, на которых выстраиваются все дальнейшие рассуждения, нужно анализировать в первую очередь! Разумеется, полемика не должна превращаться в перебранку, но для выяснения Истины всегда первым делом нужно проверять *основания логики*, и только затем аргументацию. Если дискуссия превращается в спор, ультиматумы на повышенных тонах или перебранку, то у обоих собеседников либо у одного из них явно нет приоритета выяснить объективную Истину. Если объективная Истина не стоит на первом месте в системе ценностей, то у человека не будет и запросов на соответствующее знание, не будет поиска и конструктивного общения. «Частичная истина» – это оксюморон. Либо мы ищем всю Правду о Жизни и устройстве мироздания со своим местом для всего и вся, либо обманываем себя и тянем в заблуждение своих собеседников.

«В великих книгах очень трудно найти очевидные ляпы в аргументации».

Опять же, всё зависит от схожести или различия в *мировоззрении* (логике) автора и читателя. Ляпов очень много!

«Я изложил все правила в общем виде, чтобы их можно было применить к чтению любой книги... Это может быть книга по истории или по математике, политический трактат или естественнонаучный труд».

В этом перечислении отсутствуют религиозные писания, и это серьёзное упущение, поскольку они оказывают колоссальное влияние на формирование мировоззрения, формулирование законов и устройство как человеческого общества, так и индивидуальной жизни. Кроме того, религиозные писания имеют объективную культурную ценность. Совокупность описанных факторов указывает на необходимость обязательного понимания этих произведений, а именно: истинности или ложности их содержания, логичности или противоречивости их учения, достоверности или ошибочности их переводов.

«Хочу подчеркнуть, что чтение других великих исторических книг об одних и тех же событиях – это лучший способ определить позицию какого-либо великого историка. Но истории известны не только позиции – ей хорошо знакома и пропаганда».

История всегда политизирована, а историки всегда обслуживают власть – будь то власть светская или религиозная. Суть истории – не в изложении событий, которые можно легко перевернуть и интерпретировать в выгодном для власти виде. Единственное, что настоящему имеет смысл в истории, – это *закон*, представляющий *программу* устройства того или иного общества, его морали и нравственных ценностей, мировоззрения, самовыражения и самовосприятия. Именно *законом* определяются все взаимоотношения в обществе, его *культура*, структура, его цели, мотивация и соответствующий результат деятельности его персонажей. Детали – кто, с кем, зачем и почему... – не столь важны, поскольку они – лишь *иллюстрации* законов. Даже роль личности следует рассматривать как источник ввода новых законов, изменения *мировоззрения* и системы *ценностей*. Это главное, что необходимо понять в истории, чему стоит посвятить исследование. А все события – не более чем философские притчи, правдивость которых сомнительна и не важна, хотя они могут быть поучительными и занимательными, но не они открывают *сущность* и *смысл* жизни.

«Чем более объективен учёный, тем более открыто он будет призывать вас принять что-либо на веру».

Логически очень странное предложение. Возможно, здесь неверный перевод. Если учёный объективен, то он вряд ли будет призывать Вас принять на веру что-либо, скорее наоборот, он будет призывать Вас удостовериться лично в действительном положении дел. Призывы к вере и прочие виды пропаганды свойственны как раз необъективным людям, настолько увлечённым какими-то идеями, что судить об их истинности они уже не могут беспристрастно.

«Философская проблематика касается *объяснения*, а не описания природы вещей».

Точнее – *осмысления*.

«Высказываясь в целом на ту или иную тему, вы пользуетесь именно *абстракциями*. Всё, что вы можете воспринять посредством органов чувств, – всегда конкретно».

Это восприятие материалиста, но даже наука уже давно пришла к выводу, что восприятие посредством органов чувств, как и любые другие экспериментальные данные, – зависит от наблюдателя, то есть *субъективно*, а значит это лишь результат *интерпретации*, *образное представление*, не более того. Поэтому наука и философия в конечном счёте решают одну задачу – нахождение такой *интерпретации образов*, которая будет наиболее соответствовать реальности.

«Не беспокойтесь о несогласии окружающих. Ваша задача – составить собственное суждение. Наблюдая за длительной дискуссией, которую философы ведут в своих книгах, вы должны научиться оценивать, что верно, а что нет».

Принципы чтения философских книг сходны с принципами чтения книг исторических: для понимания их сути не столь важно изучать последовательность возникновения идей, их столкновения, противоречия, общность... Прежде всего нужно проанализировать *основополагающие мировоззренческие представления* на предмет их истинности или ложности. Главная задача – поиск объективной Истины, а вовсе не

«составить собственное суждение». Для этого необходимо выйти за рамки системы координат, в которой точкой отсчёта служит Эго. Не имеет значения, какой философ что сказал, кто в чём ошибался, был прав, каково Ваше мнение и т.п. Нужно оставить имена и рассматривать только идеи с целью составить целостную непротиворечивую картину мироздания – философскую Теорию Всего.

«Философские знания опираются на общий мировой опыт, а не на результаты научных исследований. При внимательном изучении аргументов вы увидите сами, что неверная информация или отсутствие информации по научным вопросам фактически не имеет значения».

Отнюдь! Неверная информация или отсутствие информации по научным вопросам должно иметь для философии колоссальное значение, поскольку философия, в том числе, занимается осмыслением этих знаний.

«Та самая вежливость, которая велит быть снисходительными к людям, говорящим на иностранном языке, поможет вам научиться проявлять *толерантность* по отношению к мыслителям, которые в своё время ещё не располагали известными нам всем научными фактами».

Если философское учение устарело в том смысле, что оно явно не соответствует действительности, какой мы её знаем с позиции современных достижений науки, то ни о какой *толерантности* по отношению к древним мыслителям не может быть речи. Такое учение, возможно, имеет какую-то ценность для историков, но для познания Истины оно несёт в себе в основном вред. Из него, разве что, можно извлечь отдельные полезные мысли. В общем-то, то же самое касается и любой религии.

«Математик, как и философ, – это "диванный мыслитель"».

«Диванный» – не очень-то удачный перевод. Современный термин звучит более уважительно: «кабинетный».

«Аргументация, которая опирается на предпосылки, подвластные разуму, – *философская*, а не *теологическая*. Богословская книга всегда основывается на догматах и авторитете церкви, провозглашающей их. Даже если вы – человек неверующий или не принадлежите к данной церкви, это не помешает вам качественно прочесть богословскую книгу, относясь к её догмам как к математическим *допущениям*. Но прошу вас помнить, что догмат веры – это не то, что верующий *допускает*. Вера, для обладающих ею людей, – это *самая точная форма знания*, а не гипотетическое мнение».

Всё же нужно уточнить, что есть разные виды религии: религия *для черни* (толпы) и религия *для познающего*. Автор дал определение религии *для черни*. Однако в религии немало людей, ищущих объективной Истины. Они отвернулись от философии, возможно, с подачи преподавателей, не давших им адекватного представления об этой отрасли знания. Они зачастую отказываются слушать науку по причине нарочитого равнодушия учёных к вопросам нравственности. Они находят в религиозных писаниях нечто ценное, однако не могут уразуметь подлинную сущность учения, распознав и отбросив искажения, в силу недостатка разностороннего образования. Это задача науки и философии – разобраться в религиозных учениях и дать пищу умам, ищущим Истины. Однако вопрос этот в самом деле представляет серьёзную сложность.

«Слово Божье – это самый сложный для чтения текст. Усилия верующих полностью соответствуют сложности этой задачи. Думаю, можно с полным основанием говорить, по крайней мере, в европейской *традиции*, что Библия – это книга, обладающая множеством самых разных смыслов. Её читают не только чаще всего, но и тщательнее всего».

Увы, это не так, и причина здесь именно в европейской *традиции* – в *преемственности* форм мышления. Однако Библия, Тора, Коран, Бхагават Гита и прочие религиозные писания, если мы действительно хотим их *понять*, требуют *нерелигиозного* прочтения и *анализа*, чтобы отделить ложь от правды, искажения переводчиков от исходного смысла и подлинный Закон Божий от правил, выдуманных людьми.

«Вы можете старательно соблюдать все правила ограниченного чтения. Но практика

показывает, что этого редко хватает для качественного прочтения книги – интерпретирующего или критического. Опыт и другие книги – вот самые необходимые средства расширенного чтения».

Обобщённо можно сказать, что для поиска объективной Истины и адекватного понимания устройства мироздания, смысла жизни и т.д. – необходимо рассматривать *альтернативную информацию*, иначе мировоззрение обречено стать ограниченным, а мышление – догматичным. В общем, есть четыре канала познаний: наука, философия, религия и искусство, – и все их нужно использовать по максимуму, чтобы, обмениваясь информацией, совместными усилиями продвигаться по пути разума.

«Художественный текст основан скорее на подразумеваемом, чем на сказанном. Многочисленные метафоры наполняют его особым смыслом, притаившимся "между строк". Причём этот смысл гораздо более обширен, чем значение всех слов текста в отдельности. Стихотворение или роман передают то, что невозможно выразить словами: уникальный и не поддающийся анализу *опыт*, воссозданный специально для читателя».

Опыт всё же поддаётся осознанию и анализу – как и вся наша жизнь со всеми её переживаниями и каждый её момент. Исключительно эмоциональные переживания – без их осознания и анализа – лишают жизнь смысла и глубины понимания, и то же самое касается художественной литературы. Все образы что-то значат и куда-то ведут. Если их не осознать и не понимать их смысл, то вслед за автором можно зайти далеко не туда, куда хотелось бы попасть.

«Да, такие⁴ книги обучают, но для этого необходимо осознать каждый новый опыт самостоятельно в противовес процессу обучения у философов и учёных, при котором мы прежде всего должны понять их *мышление*».

Мышление (или *мировоззрение*) автора художественного произведения также важно понять. Почему? – Потому что автор ведёт читателя за собой... А куда он Вас ведёт? Вам туда вообще хочется идти? Вы уверены, что Вам оно надо? Виртуальность такого опыта кажется совершенно безвредной, но это крайне наивное представление об информации! В художественные произведения также может быть встроена идеология, пропаганда, опосредованное внушение, нейро-лингвистическое программирование и т.п. Любые образы формируют представления о жизни или меняют их. Если Вы не видите, что конкретно (какие познания) Вы впитываете вместе с переживаниями художественных образов, то я бы не сказал, что Вы умеете читать художественную литературу или смотреть художественные фильмы, спектакли и т.п.

«Если исходить из разумного принципа – читать книгу такой, какова она есть, – в художественных книгах следует искать *сюжет*, а не мораль».

Скорее всего, это неверный перевод. Сюжет – это лишь один из инструментов художника для выражения своего замысла. Смысл всегда стоит где-то *за* сюжетом, *за* декорациями, *за* персонажами и даже *за* их словами и поступками – вообще всё есть только образы! И все эти образы задействованы автором, чтобы рассказать нам что-то *про нас*, а не *про них*... Чтение только ради сюжета и эмоционального переживания событий обесценивает по-настоящему великое произведение на 90%. В сущности, мы и к жизни относимся в точности так, как читаем художественную литературу и смотрим художественные фильмы, спектакли и т.п. – либо вдумчиво и осознанно, либо легкомысленно и бездумно.

«Единицы художественной литературы – это эпизоды и события, персонажи и их мысли, слова и чувства, сомнения и поступки».

Обобщённо всё это называется одним термином: художественные образы.

«Структурные единицы художественного произведения объединяет общее место действия или фон. Автор, как мы уже видели, создаёт мир, в котором персонажи "живут, двигаются и действуют"... Почувствуйте себя как дома в этом воображаемом мире; познакомьтесь с ним так, словно вы лично наблюдаете все события; станьте одним из жителей этого мира,

⁴ Имеются в виду художественные книги.

подружитесь с его героями, примите участие в событиях, сопереживайте персонажам, разделяйте их чувства. Если вам это удастся, все единицы произведения перестанут быть изолированными пешками, механически передвигающимися по шахматной доске. Вы обнаружите связи и мотивы, которые вдыхают в них жизнь».

Аналогом ключевых утверждений в литературе «non-fiction» для художественных произведений будут смысловые интерпретации художественных образов – конечно, их невозможно сформулировать сразу, потребуется погрузиться в повествование, но постепенно, если читать вдумчиво, их смысл проясняется.

«Аристотель говорил, что в сюжете заключена душа повествования. Это его жизнь. Чтобы качественно прочесть историю, необходимо держать руку на пульсе повествования, чувствовать его каждое биение».

Чтобы качественно прочесть историю, этого мало. Необходимо, как и в жизни, осознание *подлинной сущности* всех вещей, событий, поступков, явлений, характеров, взаимоотношений... Если этого нет, то не будет и понимания книги, как не будет понимания жизни.

«Три шага, предложенные мной, намечают путь к постепенному пониманию художественного замысла писателя. Они должны подарить вам истинное удовольствие от романа или пьесы, сделав его максимально насыщенным, открыв источник наслаждения. Вы будете знать не только, *что именно* вам нравится, но и *почему* так происходит».

И этого для понимания снова мало – особенно для понимания «*почему*». Предварительно потребуется получить некоторое образование, чтобы научиться *содержательному*, а не только *эмоциональному*, восприятию любого вида творчества. Напомню, что жизнь, по сути, состоит из самовыражения и самопознания, поэтому всякий творец, в том числе писатель, выражает в своих произведениях своё понимание и видение жизни, своё мировоззрение. Следственно, он выражает либо свою *потерянность* (то есть непонимание), либо свой *поиск* или *исследование*, либо свою *находку* смысла жизни. И это крайне важно увидеть, чтобы понимать, *что* Вы разделяете с автором и *почему* Вам нравится или не нравится его творение, так как Вы можете последовать за ним в *потерянность* (то есть в непонимание), либо застрять в бесплодных *поисках*, либо принять его ложную *находку* за Истину и погрузиться в заблуждение.

«Вполне вероятно, что если человеку с хорошим вкусом понравилось произведение, то оно и в самом деле прекрасно. В свою очередь, маловероятно, что мнения людей с неразвитым вкусом действительно отражают удачи и неудачи автора. Словом, мы должны чётко различать демонстрацию вкуса, которая выражает субъективную оценку, и критическое суждение, которое касается объективных заслуг произведения».

И всё же художественную литературу нужно оценивать не только по красоте, но и по *содержательности*. Красиво и со вкусом можно преподнести даже полное дерьмо или ничего не значащую пустышку. Когда сам автор осознаёт это, то может раскаяться, – таков потрясающий пример Льва Николаевича Толстого. К сожалению, далеко не каждый автор обладает таким мужеством, как Л.Н.Толстой, чтобы искренне сказать правду о своём творчестве после переоценки ценностей. Впрочем, далеко не каждый автор настолько духовен, чтобы до такой переоценки ценностей дорасти. И, к сожалению, далеко не настолько духовен всякий читатель, чтобы научиться у автора переоценке ценностей, покаянию, мудрости и подлинным ценностям.

«Во все века – до нашей эры и в новые времена – составители списков (лучших книг) включали в них древние и современные произведения и при этом всегда задавались вопросом, "дотягивают" ли литературные новинки до уровня великих книг прошлого».

Это ужасно, на первый взгляд, поскольку *как бы* показывает тем самым, что уровень разума не растёт, но надо уточнить: по каким критериям производится оценка уровня великих книг? К сожалению, приходится констатировать, что оценивается в первую очередь не истинность/ложность – по той простой причине, что оценивающие критики понятия не имеют о том, что есть *объективная Истина*, и, соответственно, даже не имеют объективной

Истины в качестве своей *высшей нравственной ценности*. Истина давно уже мало кому нужна! Исходя из таких критериев, можно себе представить, какие произведения, по мнению критиков, являются великими.

«Если современная книга хороша, потому что речь в ней идёт о фундаментальных вопросах, тогда все великие книги, принимающие участие в той же дискуссии, бесспорно, современны».

Это не так. Продолжение сквозь века дискуссии на тему *фундаментальных вопросов* свидетельствует лишь о том, что эти вопросы до сих пор не имеют вразумительных, истинных ответов. Книги, посвящённые исследованиям, перестают быть актуальными, когда достигается результат. Но! Каким образом можно говорить о величии книг, если они не привели к достижению результата? – Их величие как минимум сильно преувеличено.

«Великие книги касаются *вечных неразрешённых* проблем, волнующих человечество. Конечно, решение вопросов такого рода – всего лишь один аспект этой литературы. В мире есть множество настоящих тайн, выходящих за пределы стандартного человеческого знания и мышления. Исследования, предпринимаемые авторами великих книг, не только *начинаются с вопросов*, но порой *ими и заканчиваются*».

Уметь ставить вопросы – это хорошо, но это не величие! Подлинное величие – это открытие Истины, и чем полнее и детальнее открывается целостная непротиворечивая картина мироздания – тем более величия!

«Великие умы, в отличие от более поверхностных, не презирают тайны и не избегают их. Они честно признают существование *неразрешённых вопросов* и стремятся дать им наиболее чёткое *определение* из всех возможных вариантов. Осознание *пределов* собственного знания только укрепляет человека в его мудрости. Признак глупости – не столько невежество, сколько склонность к самообману».

Это не про великие умы, а про ограниченные. Склонность к самообману – это жизнь без ответов. Вдумайтесь: если ответов нет, то *чем* живут люди, если не *иллюзиями*?! Осознание *пределов* собственного знания должно побуждать к преодолению этих пределов и обретению знаний. Существование *веками не решаемых* вопросов – признак слабости ума. Дать вопросам наиболее чёткое *определение* из всех возможных вариантов и не иметь возможности продвинуться в их решении – это свидетельство бессилия. О каком величии тогда идёт речь?!

«Теперь вы видите все шесть критериев, которые, следуя один за другим, опираются друг на друга. Вы понимаете, почему при таких критериях отбора эксклюзивное общество великих авторов не насчитывает и сотни человек».

Сотня – слишком много. Подлинно великих авторов на современном уровне знания едва ли найдётся два десятка. Но из них в список Мортимера Адлера вряд ли попала хоть половина.

«Список великих книг... – не слишком длинен для досуга обычного человека и не слишком короток для тех, кому удастся найти больше времени. Я уверен в одном: ваше время в любом случае будет потрачено не зря».

Как же не зря, если в этих книгах можно найти лишь *неответственные* вопросы и, пусть хорошо сформулированные, но *неразрешённые* проблемы?! Не лучше ли сначала поискать такие книги, в которых ответы *есть*? – И ответы достаточно обоснованные, чтобы можно было судить об их *истинности*. Книги, провозглашающие фундаментальные вопросы *неразрешимыми*, тем самым воспевают *неведение* и тормозят развитие разума. Такие книги не только нельзя назвать великими, но их скорее нужно отнести в разряд *вредной* литературы – дающей *ложные ответы* на вопросы: кто мы? откуда мы? зачем мы здесь? и куда мы идём? – хоть в художественном, хоть в научном, хоть в философском виде. Эстетическое развитие – это прекрасно, но этого мало для обретения способности встать на путь разума.

«Возможно, кроме чтения газет и изучения телевизионных новостей мы захотим обратиться к первоисточнику – то есть к тексту самой Конституции».

Во-первых, конституция США – далеко не эталон, поскольку под её флагом творилось

(и до сих пор творится) немало беззакония, если рассуждать с точки зрения основных правил Морали и Нравственных Велений, на которых зиждется человеческое общество, как их определил Нюрнбергский трибунал после II-й мировой войны. Поэтому обсуждать нужно тему *закона вообще*, изучать историю законодательства и законотворчества, проводить глобальную переоценку ценностей, пересматривать сами устои... В какой великой книге это делается? – хоть в одной!

«Если сюда добавить "Республику" и "Законы" Платона, которые читал и комментировал Аристотель, а также "Республику" и "Законы" Цицерона, высоко ценимые древнеримскими юристами, что, в свою очередь, повлияло на развитие права в средневековой Европе, то охвачены будут почти все великие политические книги».

Как можно называть великими какие бы то ни было политические книги, глядя на современное законодательство и результат, к которому привели людей современные взгляды (мировоззрение)?! То, что человечество стало чуть более разумным по сравнению с папусами-людоедами, вовсе не свидетельствует о величии достижений в политике. Современный мир находится на грани экологической катастрофы, всё актуальнее звучит проблема перенаселения, расслоение общества на богатых и бедных бьёт все исторические рекорды, более экономически развитые нации обкрадывают всех остальных, не прекращаются войны, процветает дискриминация и насилие, особенно над разумом! Стоит ли этому учиться у составителей конституции США? – Этому не учиться нужно, это нужно исправлять, и как можно скорее! И преемственность нам в этом никак не поможет, так что политические книги, называемые автором великими, можно изучать разве что ради анализа ошибок прошлого, чтобы ни в коем случае не повторять их, а искать выход из сложившегося и не решённого этими книгами и деятелями вопиющего безумия.

«Это приведёт нас к трудам Данте, который ещё в тринадцатом веке полагал, что мир во всём мире способен обеспечить общемировое правительство. Эту идею он с безупречной логичностью изложил в первой книге своей "Монархии"».

Мир во всём мире никак не связан с общемировым правительством. К миру может привести только обновлённое *мировоззрение* и всеобщее *образование*, в том числе духовно-нравственное, но не религиозное. Освобождает (от лжи) только Истина, так что, пока человечество живёт в иллюзиях относительно устройства мироздания и его Законов, с таким мировоззрением и с такими законами, по программе которых выстраивается общество и все взаимоотношения в нём, – мира и благополучия нам не видать хоть с общемировым правительством, хоть как.

«Осмелюсь глубоко не затрагивать работы по логике, так как список удлинится до бесконечности. Но при этом считаю своим долгом обязательно упомянуть "Систему логики" Джона Стюарта Милля, "Новый Органон" Бэкона и "Органон" Аристотеля».

Опять же давайте посмотрим, к чему привела эта логика? – Судя по результату, она *порочна*, какой бы красивой она ни выглядела в ореоле авторитетной славы. И если мы не найдём в ней изъяны и не отречёмся от неё ради выхода на новый уровень понимания собственной природы и устройства мироздания, то эта порочная логика приведёт нас к новым ещё более ужасным следствиям – вплоть до самоуничтожения человечества.

«Быть может, мы даже вернёмся к римским стоикам и эпикурейцам, к "Размышлениям" Марка Аврелия и раздумьям "О природе вещей" Лукреция».

Всё это опять неотвеченные вопросы и поиски, не приведшие к нахождению истинных ответов.

«Трудно назвать великой современную книгу. Мы слишком близки к её автору, чтобы судить о ней трезво и отстранённо».

Это явный признак догматического ума, больного «авторитетами» и поэтому не способного к здравомыслию. Такой ум, как правило, агрессивно слеп к Истине и всегда предпочитает *преемственность* поколений и сохранение своих ограничений – преодолению стереотипов, предрассудков и фундаментальной переоценке ценностей.

«Самый надёжный признак хорошей книги, которая когда-нибудь может оказаться

великой, – это очевидность её связей с другими текстами».

С таким подходом мы никогда не разорвём круг порочной логики, не поймём и не исправим фундаментальные ошибки прошлого и не преодолеем преимущества ложных ценностей. Вас это устраивает?

«Это право я бы, пожалуй, отнёс и к обязанностям – право принадлежать к великому братству людей, которое не признаёт национальных, территориальных или этнических границ. Я *не знаю*, как вырваться из смиренной рубашки политического национализма, но зато знаю, как можно стать гражданином мира литературы и дру́гом человечества во всех его проявлениях, независимо от времени и места».

Выходит, что даже впитывание всего наилучшего из культурного и интеллектуального наследия человечества никак не помогает практически устроить счастливую жизнь человеческого общества. Но тогда реальная значимость этого наследия сильно переоценена. Разве нет?

«Надо читать великие книги. Только так человеческий разум, где бы он ни находился, можно освободить от неотложных потребностей и провинциальных предрассудков – поднявшись на универсальный уровень общения. Только там он будет в состоянии постичь общие *истины*»...

Где же там *истины*, если ранее автор говорил лишь о *вечно* неразрешимых проблемах и неотвеченных вопросах?

«Люди, способные читать хорошо, умеют читать критически. В этом смысле их разум свободен. Если они прочли великие книги – по-настоящему прочли, – то вольны двигаться дальше – в любом направлении в мире людей. Только они действительно умеют пользоваться тем великим и всеобъемлющим *разумом мира*, который в любом месте и в любое время не принадлежит им полностью».

В одном автор, безусловно, прав: без анализа опыта предшествующих поколений глупо двигаться самостоятельно, обрекая себя на муки изобретения собственных «велосипедов». Однако это не значит *перенимать* опыт, иначе мы будем топтаться на месте. Опыт прошлого – это лишь сырьё для роста разума. Нужно выявлять ошибки и учиться на ошибках и быть лучше своих предков, если только наши предки не явили собой абсолютное совершенство.

«Даже чтение великих книг не может быть самоцелью. Это средство для того, чтобы жить достойно, являясь свободным человеком и гражданином».

В рамках имеющихся государственных законов (и это касается любой страны современного мира) невозможно жить *достойно*, являясь одновременно и *свободным Человеком* и законопослушным *гражданином*, – придётся выбирать: либо свобода разума, либо гражданское рабство; либо высшая нравственность, либо общественная мораль; либо кристально чистая совесть, либо компромиссы с порочной логикой. Что выбираете Вы?

«Неудачи в процессе коммуникации связаны как с отсутствием изначального *единства* мыслей, так и с нашей *неспособностью* говорить и слушать».

Видимо, здесь неверный перевод. Заявлять о *неспособности* говорить и слушать можно лишь в отношении больных людей. У относительно здоровых людей принципиальная *способность* есть, но может не хватать *умения, навыка*.

«Тогда ещё никто не предполагал, что демократии может что-то угрожать... Сейчас я убеждён... в том, что гуманитарное образование – это сильнейший оплот демократии».

Во-первых, демократия – *не эталон* совершенства, а во-вторых, гуманитарное образование – это оплот *разума*. Именно о разуме нужно заботиться, а не о демократии. И в этой связи развитие *навыков самообразования* важнее получения одинаковых базовых знаний. Общая база является несомненной ценностью лишь в том случае, когда это Истина – то есть совокупность знаний, представляющих целостную непротиворечивую картину мироздания, соответствующую реальности. Иначе общая база не имеет такого уж важного значения.

«Качественное обсуждение важных проблем в контексте вдумчивого прочтения великих

книг – это почти совершенное упражнение в мастерстве мышления и коммуникации... Чтение, слушание и обсуждение в достаточной мере дисциплинируют ум».

В этой схеме есть один существенный минус: ни индивидуальные участники, ни группа в целом не нацелены на поиск и выяснение *объективной Истины*, а потому все дискуссии будут сведены либо к принятию мнения автора, либо каждый останется при своём мнении. Интеллектуальное развитие – это хорошо, но не в нём смысл жизни. Достижение единомыслия и общности в группе возможно, только если целью будет *объективная Истина*, кроме которой ничто, по большому счёту, не имеет смысла.

«Мы начинаем понимать, что единственный авторитет – это *разум*; единственные судьи в любом споре – это *аргументы* и *факты*. Мы не стремимся возвыситься, продемонстрировав силу и пересчитав ряды своих сторонников. Серьёзные вопросы не решаются простым голосованием. Мы должны обращаться к *разуму*, а не зависеть от влиятельных групп».

Именно так!

«Если в процессе чтения и обсуждения не ужесточать требования к ясности и чёткости мышления, многие из нас сохранят *ложную уверенность в правильности* своего восприятия и оценок».

В особенности это утверждение хотелось бы адресовать читателям «священных» писаний.

«Мы, как правило, слабо мыслим и, что ещё хуже, *не знаем об этом*, поскольку некому открыть нам глаза на горькую правду».

В действительности дела обстоят даже хуже, чем автор себе представляет, и причина тому – наша фундаментально ложная логика и иллюзорное мировоззрение.

«Только тренированный ум способен к свободному мышлению. А там где нет свободы мышления, нет места и свободе мысли. Без освобождённого разума мы не сможем долго оставаться свободными людьми».

Здесь автор обнажает иллюзорность собственного мышления. Без освобождённого разума мы не сможем *стать* свободными людьми – сказать так будет правильно. Пока что, к сожалению, разум далеко не свободен, и путь к его освобождению, похоже, будет ещё долгим и тяжёлым.

«Для меня хорошее общество – это больша́я дружеская компания. С друзьями мы живём в мирном и разумно устроенном микро-социуме. Мы чувствуем своё *единство*, поскольку постоянно общаемся, разделяем взгляды и цели друг друга. Хорошее общество – это *гармоничное объединение людей*, которые стали друзьями в результате *разумного общения*».

К этому нужно добавить одну деталь: Истину. Без Истины никакое общество не будет *подлинно хорошим*, каким бы *удобным* и приятным оно ни было в глазах его членов.

«Однако *это* повлечёт за собой потерю свободы».

Не очень понятно, что именно «*это*» повлечёт за собой потерю свободы. Странное предложение для начала нового параграфа. Похоже на ошибку переводчика.

«Нужно задаться вопросом: действительно ли наш либерализм разумен? Похоже, *нам неизвестны истоки свободы и её цели*. Мы кричим о ней – о свободе слова, прессы или собраний, – но едва ли осознаём, что в основе всего этого лежит *свобода мысли*. Без неё свобода слова – пустая привилегия, а свобода совести – не более чем потакание личным пристрастиям. Без неё гражданские свободы можно реализовать только формально, и мы вряд ли надолго сохраним их, если не научимся ими пользоваться».

Весьма наивные рассуждения о свободе, которой в действительности нет, и никогда не было. К свободе нам только ещё предстоит прийти. Современный человек абсолютно лишён подлинной свободы. Конечно, нужно понимать, что означает понятие «человек», но даже с обывательской позиции человек – всего лишь ресурс действующей системы, в которой реальная свобода даже не рассматривается.

«Когда мы связываем либерализм с гуманитарным или либеральным образованием или

говорим, что обучение свободным искусствам освобождает нас, это не просто игра слов. Именно искусство читать и сочинять, слушать и говорить дисциплинирует ум и позволяет нам свободно мыслить. Это освобождающее искусство».

Нет, и ещё раз – нет! Только Истина способна освободить разум от иллюзорного самовосприятия и восприятия мироздания. Искусство как инструмент самовыражения и даже познания – не освобождает в силу мировоззренческой обусловленности.

«Дисциплина освобождает нас от произвола необоснованных мнений и узости провинциальных предрассудков. Она делает нас свободными от всех авторитетов, *кроме разума*, потому что истинно свободный человек должен подчиняться лишь разуму».

Причина путаницы в том, что автор не понимает, что есть Человек. Человек и есть воплощение Единого Разума (Единого Сознания), поэтому он не может подчиняться или не подчиняться разуму, он (по естеству) и есть *сам разум*, который может пребывать в иллюзиях или в реальности, – от этого и зависит его свобода или рабство. Однако автор размышляет о человеке с позиции материализма и идеи разделения, приписывая сущность человека его формальным отождествлениям.

«Принято считать, будто все вопросы всегда спорны и у каждого может быть своё мнение. Это губительная теория. Из неё в конце концов следует, что прав тот, кто сильнее».

Именно так, поэтому и необходима Истина как единственное объективное общее основание для мышления, оценки, восприятия, понимания – одним словом, *мировоззрения*, соответствующего реальности бытия.

«У меня есть основания полагать, что те люди, которые по-настоящему читали великие книги, смогут разумно и взвешенно рассуждать о наших насущных проблемах. Человек, который здраво размышляет о практических сторонах жизни, прекрасно знает, что для реализации задуманного нужны верные действия. Будем ли мы выполнять свой долг и действовать – это, конечно, находится вне компетенции гуманитарных наук. И всё же именно эти науки готовят нас к *свободе*. Они раскрепощают наш разум и позволяют создавать сообщества друзей, разделяющих одни и те же убеждения. Мы обязаны жить и действовать как *свободные люди*, и только нам решать, выберем мы этот путь или захотим уйти от ответственности».

Вся последняя глава пестрит моими замечаниями по одной простой причине: автора понесло в политику и лозунги, от которых, с одной стороны, нет никакого толку, а с другой стороны, они приносят больше вреда, чем конструктива. Главная цель образования всё же – сформировать *мировоззрение, ориентированное на поиск объективной Истины*, самовыражение и самопознание, и вооружить ученика/студента всеми необходимыми навыками и инструментами для плодотворного максимально свободного (от авторитетов, догматов, идеологии) самообразования. Если эта цель будет достигнута, то такое *свободомыслие* само найдёт пути и формы *самоорганизации*, основываясь на подлинных Законах Мироздания и Нравственных Велениях. Посему не следует навязывать ему современную демократию или какую-то иную политическую систему, уже, по сути, доказавшую своё несовершенство.

«Жизнь Души – Самопознание без религии»

ISNI 0000 0004 7239 8492

ISBN 978-5-0051-5337-1

Copyright © Alex Leaveit, 2020. Все права защищены.